

нение РИКов от этой работы; и слабая работа по страхованию низовой сети кооперации [9]. Но в основном это были проблемы работы, а не организации агентской сети.

Таким образом, к концу 1920-х гг. была создана разветвленная агентская сеть, охватывающая Иркутский регион и включающая собственно страховых агентов, агентов-аквизиторов и субагентов.

Примечания

1. Страховое дело. 2000. № 10. С. 58–61.
2. ГАНИИО. Ф. 1. ОП. 1. Д. 1787. Л. 122.
3. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 2. Л. 4,7; Д. 6. Л. 28,58.
4. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 2. Л. 8,11,16.
5. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 6. Л. 49,52.
6. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 3. Л. 18; Д. 21. Л. 14.
7. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 13. Л. 80,81.
8. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 12. Л. 85; Д. 13. Л. 57,84.
9. ГАИО. Ф. Р-834. ОП. 1. Д. 13. Л. 151; Д. 21. Л. 14.

ЦЫРЕМПИЛОВА И. С.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ)

В последние годы опубликован ряд работ – О. Ю. Васильевой, А. Н. Кашеварова, Н. А. Кривовой и др., в которых предприняты попытки воссоздания реальной картины взаимоотношений советской власти и церковных организаций в 1920–30-е годы, дана объективная оценка политики государства и практики решения религиозных вопросов в рассматриваемый период [1]. В то же время эти проблемы слабо прозвучали на региональном уровне, в том числе на территории Байкальской Сибири.

В первой половине 1930-х годов началось усиление антирелигиозной борьбы, что свидетельствовало о недостаточности проведенных ранее мероприятий. В то же время РПЦ, подорванная экономически и лишенная имущества, продолжала

функционировать, переживая определенное «религиозное возрождение». Именно в этот период отмечается рост числа верующих, появление небывалого дотоле взаимопонимания, чувства единства и согласия между мирянами и духовенством. Так, в отчетах о деятельности Бурят-Монгольской обновленческой епархии за 1930 и 1932 годы сообщалось: «Поднят авторитет священника, налицо его спайка с паствой. Богослужения ведутся исправно и верующие заметно больше стали посещать храмы, что показывает свечная торговля и причтовый доход. Количество треб не уменьшается, а наоборот, растет, особенно крещений. Так, при Спасском Соборе бывало иногда по 2–4 крещения в день и по 1 почти ежедневно» [2]. Оценивая факты закрытия церквей и отхода некоторой части верующих, архиепископ Василий подчеркивал, что «уход части духовенства – здоровый отсев. Малодушные – требоисправители уходят, а идейные остаются, глубоко верят в непреклонную истину, что церковь Христову не одолеют врата ада» [3].

Стоит отметить, что в этот период ранее непримиримая борьба между обновленцами и тихоновцами постепенно прекращается. Увеличивалось количество приходов, вернувшихся в лоно патриаршей церкви через очное или заочное покаяние. С июля 1930 года руководителем Забайкальской епархии был назначен епископ Марк, перемещенный с владивостокской кафедры [4]. Верхнеудинское церковное управление как руководящий орган обновленческой церкви просуществовало до 1934 года. Протокол ликвидационного собрания от 10 ноября 1934 года свидетельствует: «Согласно распоряжению Священного Синода от 23. 10. 1934 г. упразднить Улан-Удэнскую епархию и присоединить ее к Иркутскому церковному управлению» [5].

Ликвидационный процесс религиозных институтов включал в себя изъятие культового имущества, снятие колоколов, усиленное налогообложение духовенства и религиозных организаций, непосредственное закрытие храмов. По данным НКВД, на территории Восточно-Сибирского края уже в 1928 году было закрыто 90 из 349 действующих церквей. В 1930-е годы этот процесс набирает обороты.

В фондах Государственного архива Российской Федерации (Р. - 5263), Секретариата ВЦИК по делам культов находится большое количество дел о закрытии культовых зданий на территории Байкальской Сибири. Так, в 1935 году решался вопрос о закрытии Кутуликской церкви Аларского района. В архивном деле содержатся выписки из постановлений собраний трудовых коллективов рабочих и колхозников, где решался вопрос о закрытии церкви: Кутуликская МТС – 94 чел.; школа трактористов-бригадиров – 66 чел.; сельскохозяйственная артель им. Степана Разина – 60 чел.; сельскохозяйственная артель им. Сталина – 50 чел.; сельскохозяйственная артель им. Калинина – 85 чел.; учащиеся 7-го класса Кутуликской средней школы и др. [6]. 29 ноября 1935 года состоялось обследование финансовой деятельности церкви, о чем указывалось в специальном акте: «...При производстве обследования кассовой книги запись по приходу не оправдывается никакими приходными документами, сбор пожертвований без всяких оправдательных документов...Скопившиеся деньги от церковных кружек высыпались, подсчитывались без всякого составления акта...Религиозные ценности – свечи, кресты и пр. продавались с непомерными наценками (от 200 % до 300 %). Себестоимость одной свечи – 60 копеек, продается за 2 рубля... Акт записан для передачи в следственные органы с привлечением к уголовной ответственности лиц, виновных в запутанности финансовой деятельности общины и за нарушение финансовых законов» [7]. 16 апреля 1936 года Президиум ЦИК БМАССР удовлетворил ходатайство Аларского АИКа о закрытии церкви, что стало причиной обращений и жалоб со стороны верующих. В письме на имя М. И. Калинина отмечалось, что «... беззаконно попирается свобода веры, мы несем тяжелейшую обиду, наша община (1042 верующих) повержена в неопишущую скорбь. Церковь закрыта, сорвали с колокольни купол, разобрали иконостас» [8]. В итоге, несмотря на все попытки верующих, Президиум ВЦИК 26 декабря 1937 года на основании постановления президиума ЦИК БМАССР утвердил закрытие Кутуликской церкви, а здание церкви передал под кино [9].

2 ноября 1936 года на имя М. И. Калинина была подана жалоба от уполномоченной верующих православной общины Заларинской церкви Е. И. Орловой на председателя РИКа Лобанцева, который в ответ на просьбу верующих (420 человек) о возможности осуществления богослужений в с. Залари «запросил с нас 50. 000 рублей оценочной суммы. При всякой попытке ходатайства верующими районные организации принимают репрессии в виде дознания и запугивания арестом» [10].

Наряду с закрытием культовых зданий ухудшалось положение священнослужителей. В Комиссию по культовым вопросам поступило заявление от служителя культа Попова Никодима Николаевича от 4 сентября 1936 года, из которого яствовало, священника обязали государственными поставками в размере «3,63 центнера зерна, 4,80 центнера картофеля, 50 кг мяса» [11]. Позднее нормы поставок мяса были увеличены до 90 кг, в случае неисполнения которых налагался штраф в размере 900 рублей. В заявлении отмечалось: «Я стар, инвалид, большой работать не могу, ни скота, ни денег не имею... Троцкисты-зиновьевцы искореняются, а политика их здравствует... Я бы легче перенес, если бы меня казнили, легче положить голову на плаху или стать под расстрел, чем переносить издевательства, замаскированные и подносимые в виде законности. За веру в Бога, за верующих в него, коих очень много – я готов умереть, но ведь и умереть лучше сразу, скорее, чем мучиться, переносить издевательства и гнить в тюрьме без вины» [12].

Процедура закрытия церкви в селе Тайшет выглядела следующим образом. 2, 5 и 15-го апреля 1936 года церковь посетили три районных комиссии по осмотру храма, которые в качестве мотива для закрытия указали на необходимость проведения ремонта. «Последним осмотром церкви комиссия определила ремонт в 20 000 рублей, акта не вручила, сроков установлено не было. На основании этого РИК договор расторгнул и закрыл церковь... Местные органы имели целью не сохранение здания в надлежащем виде, а закрытие церкви. Тем более путь закрытия через наложение на религиозное общество ремонта гораздо легче, чем путь развития массовой воспитательной работы» – указывалось в письме Восточно-Сибирского

краевого исполнительного комитета [13]. В заявлении от верующих (1 500 человек) подчеркивалось, что местные власти «13 мая 1936 года отобрали все церковное имущество, увезли на 3 подводах, книги и часть имущества побросали, свалили под сарай, обезглавили храм, посрубали колокола» [14].

В то же время архивные документы свидетельствуют, что были единичные случаи возвращения культовых зданий религиозным общинам. 28 сентября 1936 года была подана жалоба от 653 верующих с. Малышевка Балаганского района. «20 апреля после ареста священника Любушкина Н. К. начались аресты и допросы членов церковного совета (20 человек)... Председатель церковного совета А. И. Кузьмина от угроз лишилась ума, была отправлена в больницу в Иркутск, где через несколько дней умерла, осталось четверо малолетних детей. 22 мая священник Любушкин был отправлен в Иркутск, был вызван член церковного совета Преловский Илья в управление НКВД, где ему было предложено немедленно сдать церковные ключи в Балаганский РИК, если не сдаст, получит 2 года... Зав. райфо Арановский при осмотре был в шапке, курил папиросы. 2-я комиссия переверочала все священные предметы, свечи выбросили. Наши религиозные чувства были оскорблены подобными действиями. При обыске были взяты церковные деньги 1217 руб. 85 коп. для ремонта...» [15]. Принимая во внимание факты нарушений со стороны местной власти, 9 февраля 1937 года Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет предложил Балаганскому РИКу вернуть церковь в беспрепятственное пользование [16].

Во второй половине 1930-х годов отмечается активность религиозных обществ. Это было вызвано принятием в 1936 году новой Конституции СССР, ст. 124 которой гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В соответствии со ст. 135 духовенство получило избирательные права наравне со всеми гражданами страны [17].

В оперативных сводках НКВД 1937 года указывалось на активизацию верующих в связи с принятием Конституции. В постановлении Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) отмечалось: «Деятельность религиозных организаций все больше и больше активизируется» [18]. В докладной записке от 20 февраля 1937 года представителя ЦС СВБ СССР М. П. Кузнецова, составленной на основании проведенного им обследования антирелигиозной работы и деятельности религиозных организаций в Бурятии, ситуация оценивалась следующим образом: «В связи со сталинской конституцией церковники, ...попы, начетчики, спекулируя 124, 125, 136 статьями конституции, распространяют самые нелепейшие слухи, они говорят, что, «церкви должны возвратить верующим, сосланных попов вернуть» и т. д.» [19].

Таким образом, к концу 1930-х годов на территории Байкальской Сибири было закрыто большинство православных храмов, культовое имущество было изъято, а духовенство и верующие подверглись террору и насилию.

Примечания

1. Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в политике советского государства. М., 2001; Паламарчук А. В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-х гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Иркутск, 2002; Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005; Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. : Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Митыпова Г. С. Православная церковь в Бурятии (XX–XXI вв.). Улан-Удэ, 2006 и др.

2. ГАИО, ф. 485, оп. 2, д. 209, л. 4; д. 229, л. 3.

3. Там же. Л. 10.

4. Там же. Л. 2.

5. Там же. Д. 260, л. 8.

6. ГАРФ, ф. р. – 5263, оп. 1, д. 136 (1), лл. 34, 37, 38, 40, 57, 158.

7. Там же. Л. 30.

8. Там же. Л. 6, 9, 15, 19.

9. Там же. Л. 1.

10. Там же. Д. 436, л. 43–49.

11. Там же. Л. 17.

12. ГАРФ, ф. р. – 5263, оп. 1, д. 436, л. 17, 20, 21.

13. Там же. Л. 89.
14. ГАРФ, ф. р. – 5263, оп. 1, д. 436, л. 83, 86.
15. Там же. д. 437, л. 15–16.
16. Там же. Л. 13.
17. Русская Православная церковь и право: комментарий. М., 1999. С. 35.
18. НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 3103, л. 5.
19. Там же. Л. 3.

ЧЕРНЫХ В. В.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ВЗАИМНОГО ПРОТИВОПОЖАРНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Началом страховых учреждений в России следует считать учреждение Государственного заемного банка, образованного в 1786 г. При нем была учреждена страхования экспедиция, круг деятельности которой, на основании Манифеста 1786 г., ограничивался приемом страхований только каменных домов, заводов и фабрик, крытых железом или черепицей [1]. В тот период в России не существовало никакого учреждения страхования товаров от огня.

В 1797 г. Указом царя Павла I были учреждены при Государственном Ассигнационном банке – «Учетные и страховые конторы» [2]. При издании в 1806 г. нового Устава учетных контор данные конторы были закрыты, а страхование товаров прекращено [3].

С утверждением уставов городов Санкт-Петербурга (1798) [4] и Москвы (1799) [5] была утверждена при Камеральном департаменте Ассекуранц-контора или Фейер-Кадастр, призванная обеспечивать ведение взаимного страхования строений от огня, но Сенат отклонил это решение и вместо обязательного страхования предложил добровольное.

Организация страхования по этим законоположениям сводилась к следующему: желающий участвовать во взаимном страховании мог потребовать от Ассекуранц-конторы занесе-